

И. ЦИНГОВАТОВ

<Рец. на кн.:> **Сергей Булгаков. Философия хозяйства. Часть первая: Мир как хозяйство**

М.: Книгоиздательство «Путь», 1912. С. 231. Ц. 2 р.

Г-н Булгаков — специалист в области политической экономии; г. Булгаков был когда-то марксистом, затем был идеалистом, в настоящее время он — мистик и православный христианин. Все эти черты — и специализированность г. Булгакова в определенной области, и его бывшие увлечения, и его теперешние богословско-философские воззрения — в его новом труде переплетаются в какой-то странно-причудливый узор.

Как всякий почти специалист, в течение долгого времени занимавшийся определенным рядом вопросов в определенной области науки, г. Булгаков имеет тенденцию всю сложность и многообразие проблем о мире и жизни уложить в схему категорий и понятий, которые ему наиболее близки именно как специалисту. Правда, «умом» или «малым разумом», как теперь выражаются православные неохристиане, заимствовав, впрочем, это выражение у атеиста Ницше, — г. Булгаков как будто понимает всю опасность этой тенденции, присущей специализировавшимся на чем-нибудь одним людям. Так, мы встречаем у него, например, энергичную отповедь специальным наукам, забывающим о своем шестке: «Когда выводы специальных наук прилагаются вне своей условной значимости, когда они принимаются за безусловные истины о вещах и жизни, порождается целый ряд кошмаров псевдонаучного мировоззрения, которые густою тучей нависли над современностью» (249). Приблизительно так же рассуждает г. Булгаков и относительно политической экономии, когда она, по его мнению, выходит за пределы своей компетенции. Так говорит «малый разум»; но, кроме этого малого разума, есть еще «Большой Разум», который, ко-

нечно, гораздо сильнее малого (ведь он же — Большой и пишется не иначе, как с прописных *B* и *P*, чем ставится на одну доску с Абсолютом, Софией, Логосом и прочими *personae gratissimae*¹ неохристианского словаря). Так вот этот-то Большой Разум, решения которого безапелляционны, и повелевает г. Булгакову, несмотря на протесты малого, рассматривать весь мир *sub specie*² хозяйственных отношений. «Философия хозяйства» — это не какая-нибудь обобщающая теория политической экономии или экономической политики: это — ответ на *все* проклятые и непроклятые вопросы, это — целая система религиозно-философского мировоззрения.

«Наше время понимает, чувствует, переживает *мир как хозяйство* (курсив автора), а мощь человечества — как богатство преимущественно в экономическом смысле... *Жизнь есть процесс прежде всего хозяйственный*» (курсив автора, с. 2). Разве не ясно, что такие мысли могут родиться только в уме, «ориентированном» на политической экономии? Разве не ясно, что так может говорить только чересчур увлекающийся в оценке значения своего придела в обширном храме науки специалист?

Так же сильно дает себя знать в новой книге г. Булгакова и его, казалось бы, давно уже пережитое увлечение экономическим материализмом. Говорят, первая любовь не ржавеет. Первое увлечение г. Булгакова, конечно, поржавело, и тем не менее даже сквозь мистическую ржавчину оно — порой на протяжении целых страниц — блестит так, что кажется, будто г. Булгаков и по сей день остался марксистом. Уже с первых страниц он поет чуть не гимн экономическому материализму; разумеется, с оговорками — ведь как-никак, это все-таки *материализм*, т. е. атеизм, нигилизм и пр.; но православный христианин г. Булгаков готов простить экономическому материализму много его грехов за то, что он — материализм *экономический*. Оказывается, что не испытать на себе обаяния экономического материализма — «это значит иметь какой-то дефект исторического самочувствия, быть внутренне чуждым современности» (3). А содержание последней страницы книги г. Булгакова озаглавлено: «Правда экономического материализма»; это «особая жизненная правда, не теоретическая, а практическая, моральная»; это «та правда, которая высказана на первых страницах книги бытия человеческого рода» — следует цитата из *Бытия*: «Проклята земля за тебя...» и т. д. А вот еще несколько «похвальных слов» экономическому материализму: «В экономическом материализме говорит суровая жизненная честность» (245). «Он есть первая попытка философии хозяйства, в нем

впервые сознательно поставлена ее проблема, в истории мысли прозвучал новый мотив, навеянный, конечно, не кабинетным умозрением, но жизненными впечатлениями действительности» (296). «Он понимает мир как хозяйство... эта мысль глубока и значительна» (307). «В нем выходит на поверхность новая и, нам кажется, рудоносная жила. Высказана яркая мысль, поставлена своеобразная проблема, пробуждена новая философская тревога» (320). Мы могли бы привести еще множество подобных цитат, но, кажется, и приведенных достаточно для того, чтобы видеть, каким верным рыцарем экономического материализма остается г. Булгаков после всех своих превращений.

Что касается идеализма г. Булгакова, то это его увлечение, не в пример первому, было кратковременно и непрочно. Следы его в «Философии хозяйства» видны только в том, что основные свои проблемы г. Булгаков ставит по-кантовски: «Как возможно хозяйство? Каковы его априорные предположения или предусловия? Каков философский смысл и значение основных хозяйственных функций?» (74). Это, конечно, несущественно, для этого не нужно в своем прошлом иметь увлечение идеализмом. Что г. Булгаков был когда-то идеалистом, — об этом свидетельствует скорее та страстность, с которой им ведется полемика против кантианства: и в тех местах, которые посвящены этой полемике, г. Булгаков высказывает немало идей, которые, если их оторвать от общего фона «Философии хозяйства», могут показаться ценными не для одних только православных христиан. Он довольно удачно подмечает претенциозность кантовского «коперниканства», указывает абстрактную теоретичность, пассивизм философии Канта, отсутствие в ней актуальности и динамичности. Противопоставляя кантовской гносеологии свою «хозяйственную», г. Булгаков как будто приближается даже... к Авенариусу. «Труд, — говорит он, — занимающий так много места в учениях политической экономии, получает таким образом первостепенное значение и в гносеологии, хотя эта последняя никогда с ним не считалась, не “ориентировалась” на факте труда, живой энергии, спаивающей неразрывно субъект и объект, хотя именно это значило бы ориентироваться на наиболее непосредственной данности» (99). «Труд как основание гносеологии снимает проблему существования внешнего мира (а также и чужого я), как идеалистическое измышление, фантом отвлеченной мысли» (103). Все это верно, неверно лишь то, что гносеология никогда не считалась с этим. Если г. Булгаков читал «Критику чистого опыта», он должен знать, что именно

труд (работа) положен в основание гносеологии Авенариуса, что именно благодаря этому для философии чистого опыта «снимаются» проблемы внешнего мира и чужого я, «как идеалистическое измышление». Но эта близость гносеологических воззрений г. Булгакова к эмпириокритицизму — совершенно случайна: ему во что бы то ни стало нужно очиститься от своего грехопадения — идеализма — и он готов ухватиться даже за так называемый наивный реализм, восстанавливаемый в философских правах Махом и Авенариусом. (Наивный реализм г. Булгаков называет, конечно, «хозяйственным реализмом» (103).) На самом деле г. Булгакову нужен вовсе не труд и даже не хозяйственный реализм, а вот что: «Эта полярность бытия (т. е. субъект—объект. — *И. Ц.*), его раздвоение погашается только в Абсолютном, которое есть одновременно и субъект и объект для самого себя. Поэтому для него *выход* (курс<ив> авт<ора>) субъекта в объект исключен по самому понятию, и субъект-объективизм полагается в едином, тождественном вневременном акте: тайна Святой Троицы и внутритроечной жизни!» (98)...

Тут мы должны перейти к мистико-христианским воззрениям г. Булгакова; но прежде, чем это сделать, мы считаем уместным высказать одно замечание. Г-н Булгаков — православный христианин, в христианстве он нашел разгадку всех разгадок мира; но в его книге совершенно отсутствует религиозный пафос, нет той легкости и уверенности, с которыми истинно-религиозный человек опрокидывает все встающие перед ним затруднения. В этом отношении г. Булгаков значительно отстал от своего соратника г. Бердяева; тот как стал христианином, так и объявил, что законы логики — болезнь бытия, не остановился перед тертуллиановским — *credo quia absurdum est*, и с логикой уже не заигрывает: нелепо с точки зрения логики — тем хуже для нее. У г. Булгакова этой легкости нет, он все еще не может сбросить с себя оковы логики, хотя и очень стремится к этому. Ему откровенных и боговдохновенных книг еще недостаточно, он не может обойтись без земных авторитетов: выскажет какую-нибудь мысль — и сейчас же подстрочное примечание, которое неизбежно начинается фразой: «Шеллинг говорит...»

Твердости веры нет, а это значит, что нет самого ценного, что может дать религиозное мировоззрение, а между тем все отрицательное, что несет с собой религиозное мировоззрение, в книге г. Булгакова — налицо.

Прежде всего — полная оторванность от земли, какая-то заоблачность, упорно не желающая считаться с тем, как дела идут на грешной земле. По прочтении книги г. Булгакова оста-

ется такое впечатление, что автор ее унесся куда-то в горные выси и там занимается политической экономией. Он, например, пишет: «То, что я вожу сейчас пером по бумаге и произвожу новое размещение атомов чернил, бумаги, стали пера и пр., рассуждая принципиально, есть такое же космическое событие, как астрономические или геологические катастрофы, ибо изменяет картину мира также (по-видимому, опечатка — должно быть *так же*. — *И. Ц.*), хотя и с меньшей силой (впрочем, даже и этого нельзя сказать, ибо отсутствует соизмеримость этих событий), как и эти катастрофы» (76). Ясное дело, что человек, для которого писание есть такое же космическое событие, как геологические и астрономические катастрофы, — утратил всякое ощущение земной перспективы. Поэтому мы не должны удивляться, когда встречаемся с попыткой г. Булгакова установить законы экономических отношений в «райском хозяйстве» (156), или с его теорией «чистого хозяйства», «трансцендентальным субъектом» которого является то человечество (114), то Мировая Душа (122), целью же, пределом — «восстановление единства *natura naturans* и *natura naturata* — сверхприродности природы» (124). Тут, в свете «хозяйственного логоса» (98) оказывается, что такое простое, обыденное с человеческой точки зрения, дело, как еда, — вовсе не столь просто, что «еда есть причащение плоти мира», предварение таинства — причащения плоти Сына Божия (86); что «возможность *потребления* (курсив автора) принципиально основана на метафизическом коммунизме мироздания» (87).

Изложить сколько-нибудь вразумительно основы теории «райского хозяйства» невозможно, потому что вразумительности в таких вещах и по штату не полагается; отметим только некоторые пункты, в которых райская политическая экономия особенно резко отличается от земной. Вот отрывок из первой: «Хозяйственная жизнь сводится к обмену веществ, к некоторому круговороту или чередованию вдыханий и выдыханий. На языке политической экономии вдыханиям соответствует производство, а выдыханиям — потребление (почему не наоборот? — *И. Ц.*). Хозяйственный круговорот слагается из этих двух актов, производства и потребления» (75). Г-ну Булгакову как специалисту не только райской политической экономии, но и земной, известно, конечно, что на земле хозяйственная деятельность выражается не только в производстве и потреблении, но еще, например, и в распределении. Даже в гносеологии, «ориентированной на факте труда», проблема распределения играет значительную роль — в «Критике чистого опыта» ей посвящен це-

лый отдел. А чтобы иметь представление о том, как остро стоит она в области экономических отношений, — для этого не только не нужно быть специалистом в этой области, не нужно даже и читать книг по экономическим вопросам, — достаточно хоть раз взглянуть открытыми глазами на действительность, на человеческую жизнь. В раю проблема распределения, конечно, «снимается», и потому в «Философии хозяйства» г. Булгакова не встречается не только слова «распределение», но нет даже и какого-нибудь, более соответствующего философскому стилю г. Булгакова, перевода этого понятия — вроде вдыхания и выдыхания: на небесах существует «метафизический коммунизм бытия», — значит, с проблемой распределения там давно покончено.

Так пишется «философия хозяйства» на небесах. С такой «возвышенной» точки зрения, вероятно, открывается много прекрасных, заманчивых перспектив, и многое из того, что нам, людям земли, кажется наиболее дорогим, наиболее ценным завоеванием человеческого гения, философу, переселившемуся в заоблачную обсерваторию, кажется достойным лишь презрительной улыбки. Например, наука. Мы благословляем ее за тот свет, который она проливает даже на самые темные закоулки нашей жизни, за то богатство, которое она несет с собою в мир. А вот г. Булгаков из своей заоблачной обсерватории шлет нам весть, что наука наша никуда не годится в сравнении даже с тем несовершенным и с его точки зрения мифотворчеством, которое оставили нам в наследство древние римляне и греки, египтяне и персы: «Уран и Нептун, Гея или Кибела, Великая Мать³, рождающая детей земли, в философском отношении есть во всяком случае более удовлетворительная гипотеза для объяснения мироздания, нежели абсолютный случай, творящий из мертвой материи, из мешка с прыгающими в нем атомами, развивающуюся жизнь, как этому учит мифология материалистического гилозоизма⁴» (136). «Абсолютный случай» и «мешок с прыгающими в нем атомами» — этим г. Булгаков метит не только в демократический материализм, но и во всю науку вообще, ибо, как поясняет он в другом месте, «научное и механическое мировоззрение — это синонимы» (194).

Что же касается радужных перспектив, открывающихся «с высот небесных рая», то здесь, как уже было указано, г. Булгаков не особенно тверд; но это неважно. Если бы даже вера г. Булгакова была неизмеримо крепче и красноречие его несравненно сильнее, его речи о Софии Небесной, об ангелах-хранителях не увлекли бы никого. Нужна большая душевная усталость, нуж-

на старческая дряблость души для того, чтобы отгородиться от живой действительности экраном с изображениями сцен из Священной истории Ветхого и Нового Завета и, вперив взор в этот экран, упорно, настойчиво убеждать себя, что на нем-то и изображена реальная действительность, все же, что за ним — козни чертовой изворотливости. И если даже в годы беспросветной реакции неохристианство гг. Булгакова и Бердяева могло увлечь лишь несколько таких же, как и сами они, размагниченных интеллигентов, то теперь, когда интеллигенция начинает пробуждаться от летаргии послереволюционного периода, дело новоявленных пророков христианства — совершенно безнадежно.

